

ЛИТЕРАТУРА

Учебник-хрестоматия

Под редакцией **Т. Ф. Курдюмовой**

В двух частях

Часть I

Рекомендовано
Министерством
образования и науки
Российской Федерации

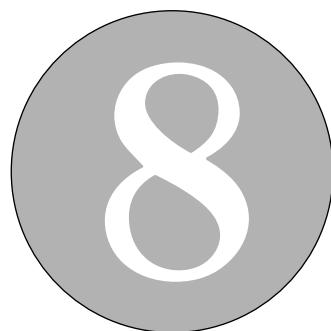
4-е издание, стереотипное

Москва

 ДРОФА

2017

УДК 373.167.1:821
ББК 83.3я72
Л64

Авторы - составители:

Т. Ф. Курдюмова, Е. Н. Колокольцев,
О. Б. Марьина, С. А. Леонов, Т. Л. Патрик
Под редакцией Т. Ф. Курдюмовой

Литература. 8 кл. : в 2 ч. Ч. 1 : учеб.-хрестоматия / авт.-
Л64 сост. Т. Ф. Курдюмова, Е. Н. Колокольцев, О. Б. Марьина
и др. ; под ред. Т. Ф. Курдюмовой. — 4-е изд., стереотип. —
М. : Дрофа, 2017. — 287, [1] с. : ил.

ISBN 978-5-358-18899-0 (ч. 1)

ISBN 978-5-358-18898-3

Учебник-хрестоматия для учащихся 8 класса входит в серию учеб-
ных пособий, созданных по единой программе литературного образования
(5—11 классов), составленной Т. Ф. Курдюмовой.

Учебник-хрестоматия соответствует Федеральному государственному
образовательному стандарту основного общего образования.

УДК 373.167.1:821

ББК 83.3я72

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА. 8 класс. В двух частях. Часть 1

Учебник-хрестоматия

Авторы - составители:

Курдюмова Тамара Федоровна, Колокольцев Евгений Николаевич,
Марьина Ольга Борисовна и др.

Зав. редакцией Е. Ю. Шмакова. Редактор Т. С. Головачева

Художественное оформление А. В. Копалин. Художник А. Антонов

Технический редактор И. В. Грибкова. Компьютерная верстка Е. Ю. Пучкова
Корректор И. В. Андрианова

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
знак информационной продукции на данное издание не ставится

Сертификат соответствия
№ РОСС RU.ПШ01.Н04166.

Подписано в печать 14.02.17. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Тираж 5000 экз. Заказ № .

ООО «ДРОФА». 123308, Москва, ул. Зорге, дом 1, офис № 313.
Сайт: drofa-ventana.ru

Предложения и замечания по содержанию и оформлению книги
можно отправлять по электронному адресу: expert@drofa-ventana.ru

По вопросам приобретения продукции издательства обращайтесь:
тел.: 8-800-700-64-83; e-mail: sales@drofa.ru; сайт: drofa-ventana.ru/buy/

ISBN 978-5-358-18899-0 (ч. 1)
ISBN 978-5-358-18898-3

© ООО «ДРОФА», 2014

Литература и время

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу...
A. Твардовский

Классическая, русская литература вплоть до середины XVIII века жила сюжетами истории. «Преданья древности исполнены красот. Сама поэзия там в именах живёт Энея, Гектора, Елены и Париса...» — писал известный теоретик искусства Н. Буало в своей книге «Поэтическое искусство». Современные темы допускались только в «низкой» литературе, к которой относились различные виды сатирических произведений, комедии. Однако это вовсе не означало, что писатели точно воспроизводили то, что происходило в прошлом. Шекспир не воссоздавал в своих трагедиях подлинно исторические ситуации, он выводил героев на широкий простор истории и связывал настоящее с прошлым.

Подлинно историческое мышление пришло к человечеству в новое время. Примерно в середине XVIII века в русской литературе выделяется собственно исторический жанр и появляются произведения как о современности, так и о прошлом. Н. М. Карамзин создаёт «Письма русского путешественника», в которых он рисует современную ему «жизнь наций Европы», их нравы, обычаи, особенности характера, и «Историю государства Российского», где излагает историю отечества с древнейших времён до XVII века.

В каждом художественном произведении, которое мы читаем, присутствует **время**. Это время, которое

изобразил писатель, время, когда он создавал своё произведение, и время, когда мы прочитали его произведение. Эти три времена могут быть отделены друг от друга веками. Так «Илиада» и «Одиссея» были созданы много позже описанных в них событий, а мы прочитали о них столетия спустя.

Произведение на историческую тему не только знакомит нас с тем, что было, но и вводит былое в наш сегодняшний день, помогает осознать непрерывность хода событий и их неразрывную связь.

Стрела времени пронзает и время и пространство, она организует наше представление о том, что и как нас окружает. Так все жанры, которые использует искусство слова для воспроизведения истории, помогают увидеть как богатство литературы, так и многообразие форм реализации самого времени.

В 8 классе вы как читатели будете следить за тем, как связаны **литература и время**, сумеете оценить, как **автор** помогает увидеть давно прошедший день, насколько точен он в своих рассказах о событиях истории. В нашем учебнике представлены важнейшие жанры искусства слова, связанные с историческими событиями.

Размышляя о конкретных произведениях, вы постоянно оцениваете автора как человека, который вторгается в историю.

История обращена к прошлому, но не случайно говорят о непредсказуемом прошлом. Оно неразрывно связано с настоящим, с постановкой и решением сегодняшних проблем. Ведь вам суждено жить именно в этом времени.

В начале учебника литературы, посвящённого историческим темам в художественных произведениях, мы предлагаем вам прочитать (или перечитать) всего два произведения — сказку Х. К. Андерсена «Калоши счастья» и стихотворение Ф. И. Тютчева «Цицерон».

При чтении сказки Х. К. Андерсена обратите внимание, как писатель связывает время, когда живёт человек, и возможность его счастья. Читая стихотворение Ф. И. Тютчева «Цицерон», попробуйте сравнить подход к своей эпохе двух авторов. Насколько отличны, как вам кажется, позиции Х. К. Андерсена и Ф. И. Тютчева?

Ханс Кристиан Андерсен

Калоши счастья

В сокращении

I. НАЧАЛО

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой Королевской площади. В одном доме собралось большое общество — иногда ведь приходится всё-таки принимать гостей; зато, глядишь, и сам дождёшься когда-нибудь приглашения. Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела за ломберные столы¹, другая же образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее», и беседа потекла сама собой. Между прочим, речь зашла про Средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоём накинулись на бедного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чём всё-таки выше Средневековья. Советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества.

Пока ведётся этот жаркий спор, который прервался лишь на мгновенье, когда принесли вечернюю газету (впрочем, читать в ней было решительно нечего), пройдём в переднюю, где гости оставили свои пальто, палки, зонтики и калоши. Сюда только что вошли две женщины: молодая и старая. На первый взгляд их можно было принять за горничных, сопровождающих каких-нибудь старых барынь, которые пришли сюда в гости, но, приглядевшись повнимательнее, вы бы заметили, что эти женщины ничуть не похожи на служанок: слишком уж мягки и нежны были у них руки, слишком величавы осанка и все движения, а платье отличалось каким-то особо смелым покроем. Вы, конечно, уже догадались, что это были феи. Младшая была если и не самой феей Счастья, то уж, наверно, камери-

¹ Ломберный стол — стол для игры в карты (от названия старинной карточной игры).

сткой одной из её многочисленных камер-фрейлин и занималась тем, что приносила людям разные мелкие дары Счастья. Старшая казалась гораздо более серьёзной — она была феей Печали и всегда управлялась со своими делами сама, не перепоручая их никому: так по крайней мере она знала, что всё наверняка будет сделано как следует.

Стоя в передней, они рассказывали друг другу о том, где побывали за день. Камеристка камер-фрейлины Счастья сегодня выполнила всего лишь несколько маловажных поручений: спасла от ливня чью-то новую шляпу, передала одному почтенному человеку поклон от высокопоставленного ничтожества и всё в том же духе. Но зато в запасе у неё осталось нечто совершенно необыкновенное.

— Нужно тебе сказать, — закончила она, — что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события мне дали пару калош, с тем чтобы я отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место или в обстановку любой эпохи — куда он только пожелает, — и он, таким образом, сразу обретёт счастье.

— Ты так думаешь? — отозвалась фея Печали. — Знай же: он будет самым несчастным человеком на земле и благословит ту минуту, когда наконец избавится от твоих калош.

— Ну, это мы ещё посмотрим! — проговорила камеристка Счастья. — А пока что я поставлю их у дверей. Авось кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и станет счастливым.

Вот какой между ними произошёл разговор.

II. ЧТО ПРОИЗОШЛО С СОВЕТНИКОМ ЮСТИЦИИ

Было уже поздно. Советник юстиции Кнап собирался домой, всё ещё размышляя о временах короля Ганса. И надо же было так случиться, чтобы вместо своих калош он надел калоши счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесла его во времена короля Ганса, и ноги его тотчас же

утонули в непролазной грязи, потому что при короле Гансе улиц не мостили.

— Ну и грязища! Просто ужас что такое! — пробормотал советник. — И к тому же ни один фонарь не горит.

Луна ещё не взошла, стоял густой туман, и всё вокруг тонуло во мраке. На углу перед изображением мадонны висела лампада, но она чуть теплилась, так что советник заметил картину, лишь поравнявшись с нею, и только тогда разглядел Божью Матерь с младенцем на руках.

«Здесь, наверно, была мастерская художника, — решил он, — а вывеску позабыли убрать».

Тут мимо него прошло несколько человек в средневековых костюмах. «Чего это они так вырядились? — подумал советник. — Должно быть, с маскарада идут».

Но внезапно послышался барабанный бой и свист дудок, замелькали факелы, и взорам советника представилось удивительное зрелище! Навстречу ему по улице двигалась странная процессия: впереди шли барабанщики, искусно выбивая дробь палочками, а за ними шагали стражники с луками и арбалетами¹. По-видимому, то была свита, сопровождавшая какое-то важное духовное лицо. Изумлённый советник спросил, что это за шествие и кто этот сановник.

— Епископ Зеландский! — послышалось в ответ.

— Господи помилуй! Что ещё такое приключилось с епископом? — вздохнул советник Кнап, грустно покачивая головой. — Нет, вряд ли это епископ.

Размышая обо всех этих чудесах и не глядя по сторонам, советник медленно шёл по Восточной улице, пока наконец не добрался до площади Высокого моста. Однако моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось, — бедный советник едва разглядел в кромешной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидело двое парней.

— Прикажете переправить вас на остров? — спросили они.

— На остров? — переспросил советник, не зная ещё, что он теперь живёт во время Средневековья. — Мне

¹ *Арбалёт* — старинное ручное метательное оружие.

нужно попасть в Христианову гавань, на Малую торговую улицу.

Парни вытаращили на него глаза.

— Скажите мне хотя бы, где мост? — продолжал советник. — Ну что за безобразие! Фонари не горят, а грязь такая, что кажется, будто по болоту бродишь!

Но чем больше он говорил с перевозчиками, тем меньше мог разобраться в чём-нибудь.

— Не понимаю я вашей борнхольмской тарабарщины! — рассердился он наконец и повернулся к ним спиной.

Но моста он всё-таки не нашёл; каменный парапет набережной исчез тоже. «Что делается! Вот безобразие!» — думал он. Да, никогда ещё действительность не казалась ему такой жалкой и мерзкой, как в этот вечер. «Нет, лучше взять извозчика, — решил он. — Но, Господи, куда же они все запростились? Как назло, ни одного! Вернусь-ка я на Новую Королевскую площадь — там, наверное, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до Христиановой гавани!»

Он снова вернулся на Восточную улицу и успел уже пройти её почти всю, когда взошла луна. «Господи, что это здесь понастроили такое?» — изумился советник, увидев перед собой Восточные городские ворота, которые в те далёкие времена стояли в конце Восточной улицы.

Наконец он отыскал калитку и вышел на теперешнюю Новую Королевскую площадь, которая в те времена была просто большим лугом. На лугу там и сям торчали кусты, и он был пересечён не то широким каналом, не то рекой. На противоположном берегу расположились жалкие лавочки халландских шкиперов, отчего место это называлось Халландской высотой.

— Боже мой! Или это мираж, фата-моргана¹, или я... Господи... пьян? — застонал советник юстиции. — Что же это такое? Что же это такое?

И советник опять повернулся назад, подумав, что заболел. Шагая по улице, он теперь внимательнее пригля-

¹ Фáта-моргáна — мираж, при котором на горизонте возникают изображения предметов, лежащих за горизонтом.

дывался к домам и заметил, что все они старинной постройки и многие крыты соломой.

— Да, конечно, я заболел, — вздыхал он, — а ведь всего-то стаканчик пунша выпил, но мне и это повредило. И надо же додуматься — угостить гостей пуншем и горячей лососиной! Нет, я непременно поговорю об этом с агентшей. Вернуться разве к ним и рассказать, какая со мной приключилась беда? Нет, неудобно. Да они уж, пожалуй, давно спать улеглись.

Он стал искать дом одних своих знакомых, но его тоже не оказалось на месте.

— Нет, это просто бред какой-то! Не узнаю Восточной улицы. Ни одного магазина! Всё только старые, жалкие лачуги — можно подумать, что я попал в Роккилле или Рингстед. Да, плохо моё дело! Ну что уж тут стесняться, вернусь к агенту! Но, чёрт возьми, как мне найти его дом? Я больше не узнаю его. Ага, здесь, кажется, ещё не спят!.. Ах, я совсем расхворался, совсем расхворался.

Он наткнулся на полуоткрытую дверь, из-за которой лился свет. Это был один из тех старинных трактиров, которые походили на теперешние наши пивные. Общая комната напоминала голштинскую харчевню. В ней сидело несколько завсегдатаев — шкипера, копенгагенские бургеры и ещё какие-то люди, с виду учёные. Попивая пиво из кружек, они вели какой-то жаркий спор и не обратили ни малейшего внимания на нового посетителя.

— Простите, — сказал советник подошедшей к нему хозяйке, — мне вдруг стало дурно. Вы не достанете мне извозчика? Я живу в Христиановой гавани.

Хозяйка посмотрела на него и грустно покачала головой, потом что-то сказала по-немецки. Советник подумал, что она плохо понимает по-датски, и повторил свою просьбу на немецком языке. Хозяйка уже заметила, что посетитель одет как-то странно, а теперь, услышав немецкую речь, окончательно убедилась в том, что перед ней иностранец. Решив, что он плохо себя чувствует, она принесла ему кружку солоноватой колодезной воды.

Советник опёрся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался: куда же всё-таки он попал?

— Это вечерний «День»? — спросил он, просто чтобы сказать что-нибудь, увидев, как хозяйка убирает большой лист бумаги.

Она его не поняла, но всё-таки протянула ему лист: это была старинная гравюра, изображавшая странное свечение неба, которое однажды наблюдали в Кёльне.

— Антикварная картина! — сказал советник, увидев гравюру, и сразу оживился. — Где вы достали эту редкость? Очень, очень интересно, хотя и сплошная выдумка. На самом деле это было просто северное сияние, как объясняют теперь учёные; и, вероятно, подобные явления вызываются электричеством.

Те, что сидели близко и слышали его слова, посмотрели на него с уважением; один человек даже встал, почтительно снял шляпу и сказал с самым серьёзным видом:

— Вы, очевидно, крупный учёный, мосье?

— О нет, — ответил советник, — просто я могу поговорить о том о сём, как и всякий другой.

— *Modestia*¹ — прекраснейшая добродетель, — изрёк его собеседник. — Впрочем, о сути вашего высказывания *mihi secus videtur*², хотя и с удовольствием воздержусь пока высказывать моё собственное *judicium*³.

— Осмелюсь спросить, с кем имею удовольствие беседовать? — осведомился советник.

— Я бакалавр богословия, — ответил тот.

Эти слова всё объяснили советнику — незнакомец был одет в соответствии со своим учёным званием. «Должно быть, это какой-то старый сельский учитель, — подумал он, — человек не от мира сего, каких ещё можно встретить в отдельных уголках Ютландии».

— Здесь, конечно, не *locus docendi*⁴, — говорил богослов, — но я всё-таки очень прошу вас продолжать

¹ Скромность (лат.).

² Я другого мнения (лат.).

³ Суждение (лат.).

⁴ Место учёных бесед (лат.).

свою речь. Вы, конечно, весьма начитаны в древней литературе?

— О да! Вы правы, я частенько-таки почитываю древних авторов, то есть все их хорошие произведения; но очень люблю и новейшую литературу, только не «Обыкновенные истории»¹; их хватает и в жизни.

— Обыкновенные истории? — переспросил богослов.

— Да, я говорю об этих новых романах, которых столько теперь выходит.

— О, они очень остроумны и пользуются успехом при дворе, — улыбнулся бакалавр. — Король особенно любит романы об Ифвенте и Гаудиане, в которых рассказывается о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, и даже изволил шутить по этому поводу со своими приближёнными².

— Этих романов я ещё не читал, — сказал советник юстиции. — Должно быть, это Хейберг что-нибудь новое выпустил?

— Нет, что вы, не Хейберг, а Готфред фон Гемен, — ответил бакалавр.

— Так вот кто автор! — воскликнул советник. — Какое древнее имя! Ведь это наш первый датский книгопечатник, не так ли?

— Да, он наш первопечатник! — подтвердил богослов.

Таким образом, пока что всё шло прекрасно. Когда один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей здесь несколько лет назад, а именно в 1484 году, советник подумал, что речь идёт о недавней эпидемии холе-

¹ Намёк на «Обыкновенные истории» датской писательницы Гюллембург.

² Знаменитый датский писатель Хольберг рассказывает в своей «Истории Датского государства», что, прочитав роман о рыцарях Круглого Стола, король Ганс однажды сказал в шутку своему приближённому Отто Руду, которого очень любил: «Эти господа Ифвент и Гаудиан, о которых говорится в этой книге, были замечательные рыцари. Таких теперь больше не встретишь». На что Отто Руд ответил: «Если бы теперь встречались такие короли, как король Артур, то, наверное, нашлось бы немало таких рыцарей, как Ифвент и Гаудиан». (Примечание X. К. Андерсена.)

ры, и разговор благополучно продолжался. А после как было не вспомнить окончившуюся совсем недавно пиратскую войну 1490 года, когда английские каперы захватили стоящие на рейде датские корабли. Тут советник, вспомнив о событиях 1801 года, охотно присоединил свой голос к общим нападкам на англичан. Но дальше разговор что-то перестал клеиться и всё чаще прерывался гробовой тишиной. Добрый бакалавр был очень уж невежественный: самые простые суждения советника казались ему чем-то необычайно смелым и фантастичным. Собеседники смотрели друг на друга со всё возрастающим недоумением, и, когда наконец окончательно перестали понимать один другого, бакалавр, пытаясь поправить дело, заговорил по-латыни, но это мало помогло.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросила хозяйка, потянув советника за рукав.

Тут он опомнился и в изумлении воззрился на своих собеседников, потому что за разговором совсем забыл, что с ним происходит.

«Господи, где я?» — подумал он, и при одной мысли об этом у него закружила голова.

— Давайте пить кларет, мёд и бременское пиво! — закричал один из гостей. — И вы с нами!

Вошли две девушки, одна из них была в двухцветном чепчике¹; они подливали гостям вино и низко приседали. У советника даже мурашки забегали по спине.

— Что же это такое? Что это такое? — шептал он, но вынужден был пить вместе со всеми. Собутыльники так на него насыли, что бедный советник пришёл в совершеннейшее смятение, и когда кто-то сказал, что он, должно быть, пьян, ничуть в этом не усомнился и только попросил, чтобы ему наняли извозчика. Но все подумали, что он говорит по-московитски. Никогда в жизни советник не попадал в такую грубую и неотёсанную компанию. «Можно подумать, — говорил он себе, —

¹ При короле Гансе, в 1495 году, был выпущен указ, по которому женщины лёгкого поведения должны были носить чепчики бросающейся в глаза расцветки.

что мы вернулись ко временам язычества. Нет, это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Тут ему пришло в голову: а что, если залезть под стол, подползти к двери и улизнуть? Но когда он был уже почти у цели, гуляки заметили, куда он ползёт, и схватили его за ноги. К счастью, калоши свалились у него с ног, а с ними рассеялось и волшебство.

При ярком свете фонаря советник отчётиливо увидел большой дом, стоявший прямо перед ним. Он узнал и этот дом, и все соседние, узнал и Восточную улицу. Сам он лежал на тротуаре, упираясь ногами в чьи-то ворота, а рядом сидел ночной сторож, спавший крепким сном.

— Господи! Значит, я заснул прямо на улице, вот тебе и на! — сказал советник. — Да, вот и Восточная улица... Как здесь светло и красиво! Но кто бы мог подумать, что один стакан пунша подействует на меня так сильно!

Спустя две минуты советник уже ехал на извозчике в Христианову гавань. Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век, который, несмотря на все его пороки и недостатки, всё-таки был лучше того, в котором ему только что довелось побывать. И надо сказать, что на этот раз советник юстиции мыслил вполне разумно. <...>

Вопросы и задания

- 1. Прочитайте сказку до конца и подумайте, удавалось ли калошам счастья действительно принести радость своим времененным хозяевам? Каким образом автор решает этот вопрос? Попробуйте обосновать своё суждение.
- 2. Как вы поняли название «Калоши счастья» до и после прочтения сказки?
- 1. Какой смысл вложил Андерсен во фразу: «Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век...»?
- 2. Вообразите себя хозяином калош счастья и пофантазируйте по поводу своего собственного перемещения во времени.

Фёдор Иванович Тютчев

Стихотворение «Цицерон» создано Тютчевым в 1830 году в связи с событиями Июльской революции во Франции. Впервые напечатано в 1831 году. Страна «Я поздно встал...» — перефразировка начала одного из текстов Цицерона.

Цицерон

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»

Так! но прощаясь с римской славой
С Капитолийской высоты¹
Во всём величье видел ты
Закат звезды её кровавой!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

Он их высоких зреши зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Вопросы и задания

- ▶ 1. Какую мысль развивает автор, говоря о своей судьбе?
- 2. К каким событиям можно отнести строки стихотворения читателю, который прочитал их сегодня?
- »» Как вы относитесь к главному суждению автора? Согласны ли вы с ним?

¹ Капитолийская высота — один из семи холмов, на которых расположен Рим.

Фольклор

Историческая песня
Народный театр

